

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI 10.37386/2305-4077-2024-1-64-78

Е.А. Капустина¹

*Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова (Барнаул)*

В.Ф. Стенина²

*Алтайский государственный технический
университет им. И.И.Ползунова (Барнаул)*

«РЕАЛИСТАМ, КАК И МЕДВЕДЯМ, У ПОЛЮСОВ СПОДРУЧНЕЕ»: К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Два взгляда на проблему)

В статье рассмотрена идентификация «русские писатели-реалисты – медведи» в западноевропейской критике, а также исследована рецепция указанной идентификации русскими писателями в художественных и документальных текстах: от неприятия до осмысления и обыгрывания ставших стереотипными европейских образов. Объединяющим началом русских реалистов и медведей послужила полюсность – географическая окраинность, а также предельная обнаженность художественного приема у реалистов и крайне дерзкое, граничащее с воинственностью, поведение русских медведей.

Ключевые слова: западноевропейская критика, русский медведь, русские писатели, идентификация

E. A. Kapustina

Altai State Technical University named after. I. I. Polzunov (Barnaul)

V. F. Stenina

Altai State Technical University named after. I. I. Polzunov (Barnaul)

REALISTS, LIKE BEARS, FEEL MORE CONVENIENT AT THE POLES: ON THE ISSUE OF IDENTIFICATION OF RUSSIAN WRITERS (Two views on the problem)

---

¹ Евгения Александровна Капустина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).

² Виктория Федоровна Стенина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).

The article deals with the identification of “Russian realist writers as bears” in Western European criticism, and examines the reception of this identification by Russian writers in fiction and documentary texts: from rejection to comprehension and outplaying stereotypical European images. The principle uniting Russian realists and bears was the polarity – geographical outskirts, as well as the extreme nakedness of the artistic technique of the realists and the extremely daring behavior of Russian bears, bordering on belligerence.

Key words: *Russian writers, western European criticism, Russian bear, identification*

Сакральная природа медведя общеизвестна и неоспорима для многих этносов, в том числе и для русских, что обусловлено их бытовым укладом, историко-культурными и мифологическими представлениями и, конечно, географическим положением и климатическими особенностями самой России. В русской культуре медведь, объединяющий божественное, человеческое, животное и нивелирующий верх и низ, является «сложнейшей и поливалентной мифологемой» [Чумаков, 2008, с. 175]. Об этом свидетельствуют фольклор, материалы, описывающие русский быт, обряды и праздники, русская литература и эпистолярный.

Отождествление медведя и России формируется под действием европейских представлений о «русскости». Исследователи считают, что «русский медведь» – это устойчивый, ставший хрестоматийным в европейском сознании образ, для формирования которого не было и нет никаких объективных оснований [Хрусталева, 2011].

Процесс мифологизации «русскости» медведя берет свое начало в XVI в. в немецкой и польской культурах, затем этот образ был «экспортирован» в Англию, где вошел в разряд политических и ментальных стереотипов, распространившихся ко второй половине XIX века уже на все континенты» [Хрусталева, 2023, с. 21]. Параллельно медведь становится «наиболее понятным и востребованным атрибутом России для западного сознания» на страницах травелогов западноевропейских путешественников [Хрусталева, 2011]. Однако считается, что именно западноевропейская карикатура вырабатывает и вводит в культурный оборот образ-концептуализацию медведя, который связывается «почти исключительно с Россией и мотивируется внешне – представлениями о суровом севере, природной опасности, дикости, слабой цивилизованности» [Фарыно, 2016, с. 11]. Миф о «далекой и дикой Московии» и ее не менее «диких обитателях», появившись в западноевропейской политической карикатуре³ и в травелогах, позднее найдет продолжение в литературе, эпистолярной и критике, оставаясь актуальным до сих пор.

«Проекция медвежести» в отношении России и русских, имеющая отнюдь не положительные коннотации, нашла отражение в трудах западноевропейских критиков, перекинувшись и на русских писателей. Больше всего «досталось» Н. В. Гоголю, хотя внешность его мало напоминала медвежью, а сам

³ Исследователи русского медведя анализируют «медвежью метафору» России в парадигматическом аспекте на материале травелогов и визуальных источников, в частности в политической карикатуре [Котеленец, 2018].

писатель не имел никакого отношения к охоте⁴. Более того, в русском сознании его птицеподобность и птичья фамилия создают другой ассоциативный ряд, о чем неоднократно писали современники Н. В. Гоголя и исследователи его творчества⁵. Однако при характеристике творческой манеры автора в предисловии к изданию «Мертвых душ» (Лейпциг, 1846) немецкому переводчику Ф. Лёбенштейну это не помешало отметить: «Гоголь не надевает белых перчаток и не мягкими пальчиками прикасается он к ранам, – нет, он хватает их просто и, так сказать, медвежьей лапой – и резко выставляет истины, часто горькие, на вид своему правительству и народу» [Гоголь, 1952, т. XIII, с. 458].

Здесь соотносятся Гоголь-писатель и врач с медвежьими манерами: «не мягкие пальчики», а «медвежья лапа» без «белых перчаток», «не прикасается к ранам», а «хватает», «резко выставляет». Портретная деталь указывает на отсутствие эстетизма, тонкости, отличающие творческий почерк / манеру письма Н. В. Гоголя⁶. Процесс изображения реалистами действительности рифмуется с вскрытием ран, что само по себе ассоциируется с кровью, гноем, нечистотами, грязью. «Грязь» в литературном обиходе появилась еще в 30-е гг. XIX века. Перчатки как защита от журнальной грязи были упомянуты П. А. Вяземским в «Отрывке из письма к А. И. Готовцевой»: «Кто-то сказал, что с некоторого времени журналы наши так грязны, что их не иначе можно брать в руки, как в перчатках» [Вяземский, 1963, с. 88]. К каламбуру П. А. Вяземского восходит фраза читателя в стихотворении «Журналист, читатель и писатель» М. Ю. Лермонтова: «... Во-первых, серая бумага, / Она, быть может, и чиста; / Да как-то страшно без перчаток» [Лермонтов, 1989, Т. 2, с. 44]. Грязь здесь амбивалентна: грязь от бумаги и грязь – брань. Из-за аллегорической и открытой брани сами журналисты сравнивали нравы печатных изданий того времени с «пѣтушьими боями» и «медвѣжьей травлей» [Каллаш, 1904, с. 49]. В 40-е годы о «грязности» как литературном приеме, который использовали писатели «Физиологии Петербурга» при изображении действительности, писал В. Г. Белинский. В частности, он отмечал, что писатель впадает в «грязность» из «личной любви ко всему грязному» или «стараясь выразить свое отвращение от грязи» [Белинский, 1948, Т. 2, с. 809].

---

⁴ Нельзя не согласиться с исследователем, утверждающим, что «трудно представить с ружьем за плечами или с удочкой в руках Жуковского или Батюшкова, Пушкина или князя Вяземского, Лермонтова или Гоголя» [Кошелев, 2009, с. 95]. Только к середине XIX века «охота» наравне с «любовью» и «творчеством» становится неотъемлемой частью не только усадебного бытия, но и литературного быта, основой которого является формула «соседства», а не «родства», как в начале века [Козубовская, стр. 32, 34]. Общеизвестна страстная увлеченность писателей этого времени рыбной ловлей (Ап. Майков, С. Т. Аксаков, Н. А. Майков, А. Н. Островский, И. А. Гончаров) и ружейной охотой (И. С. Тургенев, С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, Н. А. Некрасов, А. К. Толстой, А. А. Фет, Л. Н. Толстой и т. д.).

⁵ Об этом см.: главу в монографии, посвященную Н. В. Гоголю [Мароши, 2000], главы «Орнитофания. Позы зоркости и свободы», «Автопортрет» в монографии [Подорога, 2006, Т. 1. с. 171–181, 197–210], статью [Шульц, 2015] и др.

⁶ Реалистическая манера, «не смягченная художественностью выражения» [Белинский, 1948, Т. 2, с. 809] воспринимается адекватной окраинной России, не случайно реализм – это изображение «заднего» двора.

Переводы произведений Н. В. Гоголя в Европе, а следовательно, знакомство с его творчеством западноевропейского читателя совпало с установлением реалистического стиля в культуре. Неизвестно, был ли знаком с предисловием к изданию «Мертвых душ» и замечанием немецкого переводчика французский публицист Жюль Барбе д'Ореви́ли, но позднее он сравнит «создателя и основоположника русской реалистической школы» Н. В. Гоголя и русских писателей-реалистов с медведями, заметив: «Реалистам, как и медведям, у полюсов сподручнее; там они и сильнее» [Гоголь, 1936, с. 257]. Те и другие закреплены за крайней точкой воображаемой оси вращения Земли, т.е. за окраиной, периферией в противовес центру. Таким образом, медведь начинает ассоциироваться не только с Россией, но и с реализмом, бытописанием, граничащим с несдержанностью и дерзостью, с комплексом сем, традиционно закрепленным за «низом»⁷.

С легкой руки «живого» идеалиста Жюля Барбе д'Ореви́ли, критикующего «мертвого идеалиста», а ныне «безжалостного реалиста» Н. В. Гоголя, при этом использующего реалистический приём типизации, это сравнение «прилипнет» к русским классикам и потом неоднократно будет встречаться в их портретных характеристиках, сделанных европейскими публицистами. Русский европеец И. С. Тургенев навсегда останется «белым медведем» в кругу Виардо. Франсуа Порше назовет Л. Н. Толстого «медведем с рысьими глазами, одетым по английской моде» (1862) [Попов, 1939, с. 739]. А Мельхиор де Вогюэ в своем дневнике после встречи с Ф. М. Достоевским в салоне С. А. Толстой напишет о нем: «смесь медведя и ежа»⁸ (1880).

При номинациях Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского медведь – это уже не только метафора, как в случае с Н. В. Гоголем, но и идентификация⁹. Представленная критиками форма субстанциональности русских писателей «балансирует на границе человеческого», не «рискуя навлечь на себя порицающий смех», а в прямом смысле навлекая его [Брукс, 2011].

Так, в портрете Л. Н. Толстого внешнее не соответствует внутреннему: «одетый по английской моде», но со знаками «животной наружности», с «бородой», непричесанностью и отсутствием зубов [Попов, 1939, с. 739]. В описании

⁷ Жюль Барбе д'Ореви́ли, сравнивая русскую и французскую реалистические школы, замечает, что французская – «сама по себе достаточно отталкивающая, – является лишь школой... подготовительной» [Гоголь, 1936, с. 257].

⁸ Vogue E.-M., de. Le roman russe. Editions Age d'Homme. Suisse, 1971. P. 13 цитируется по: [Мотылева, 1988, с. 220].

⁹ Идентификация – это установление тождественности неизвестного объекта известному на основании совпадения признаков. Основой процесса идентификации является метафора, но в различных дискурсивных практиках (политике, критике) идентификация становится риторическим приемом, который чаще всего используется с целью воздействия на адресата. Уподобление Н. В. Гоголя медведю немецким критиком Ф. Лёбенштейном – метафора. Тогда как отождествления русских писателей французскими критиками Барбе д'Ореви́ли, М де Вогюэ, Франсуа Порше, бесспорно имея метафорическую основу, можно считать идентификацией и интерпретировать, как реализацию риторической стратегии, целенаправленно создающей «миф» о русских писателях-реалистах в системе отрицательных коннотаций.

Ф. М. Достоевского Мельхиор де Вогиюэ насмехается над писателем, считающим себя «глубже всей Европы» [Мотылева, 1988, с. 220]. В замечании французского дипломата появляется диссонанс между внешней рецепцией и самооценкой: несовпадение восприятия окружающих с оценкой Ф. М. Достоевским себя вызывает у европейца иронию. «Глубина», серьезность теряют аксиологическое значение, если соседствуют с «животной наружностью» и «бескультурьем».

Причиной негативной оценки русских классиков явилось несоответствие светскому этикетному поведению, а следовательно, и цивилизованности, почитавшейся французами наравне с искусством. В Л. Н. Толстом отмечена доминирующая животность, в Ф. М. Достоевском – упрямство в споре, «не сообразованное с мнением собеседника» [Строев, 1998, с. 57], осмысляемое как невоспитанность. Идентификация с медведем становится знаком незавершенности метаморфозы «естественного», природного человека в существо социальное [Строев, 1998, с. 57].

Размышляя о Ф. М. Достоевском уже после встречи, Мельхиор де Вогиюэ называет его «любопытным типом русского упрямаца» [Мотылева, 1988, с. 220]. Эта обобщенная номинация в стиле естественнонаучной классификации живых организмов завершается уточняющей дефиницией («смесь медведя и ежа»). Автор дневника ассоциируется с человеком, попавшим в зоопарк, увидевшим дикое животное и затруднившимся сразу определить его.

Нецивилизованность русских медведей в европейских характеристиках актуализирует хрестоматийное противоположение Запад / Восток. В этом находит отражение традиционное для европейской культуры противостояние Европы и Азии, выразившееся в борьбе дракона и медведя¹⁰. В Германии эта оппозиция конкретизируется благодаря сюжету о «красавице и чудовище», где Россия – это чудовище, притесняющее Европу [Жаковска, 2011, с. 16]. Показательна в данном контексте политическая карикатура англичанина У. Холланда, где епископ, который находится в группе британских политиков, противостоящих Екатерине-медведице и сидевшему на ней князю Потемкину, произносит молитву: «Избави меня, господи, от Русских медведей» [Барабаш, 2015, с. 78].

Срачивание этих понятий, как отмечалось выше, происходит благодаря географическому положению Московии, «восточноевропейской Сарматии», которая находится севернее западной Европы и ассоциируется исключительно с холодом, северной окраиной¹¹, а также объясняется внешней имперской политикой России. Суть другой причины заключалась в том, что западноевропейская карикатура чаще всего ассоциировала медведя с русскими и Россией в периоды

¹⁰ В европейское сознание эту метафору «запустил» Ян из Голова, проиллюстрировавший свою рукопись зооморфной оппозицией. Конкретизация противостояния и ассоциативное закрепление за медведем Московии, ее жителей, политики и т.д. появились в конце XVI в. в работе австрийского дипломата С. Герберштейна «Записки о Московии» [Герберштейн, 2008].

¹¹ В греческом языке слова, обозначающие «северный полюс» и «медведь», имеют общий корень [Хрусталева, 2011].

активности последней при обострении политики в отношении Польши и Турции. Здесь имеется в виду «польский вопрос», в частности польские восстания 1793–1794 и 1830–1831 гг., а также Русско-турецкие войны. Именно в эти периоды формируются представления о «свирепом» русском медведе как символе «восточной деспотии». Внешняя политика русского медведя интерпретируется как захват территории и сопрягается с процессом поедания (в самом диком его варианте – «растерзания»), который трактуется политическими оппонентами как акт неконтролируемой агрессии¹².

В связи с этим автор очерка «Париж, Лондон и Лиссабон», опубликованного в журнале «Московский наблюдатель» 1837 года, описывая парижский Ботанический сад и самых его популярных обитателей, делает два любопытных наблюдения. Во-первых, парижане называют медведей «Мартынами», во-вторых, у них «царствует» поверье, что «одинъ изъ этихъ медвѣдей съѣдаетъ каждый годъ по Парижанину» [П. Парижь, Лондонъ и Лиссабонъ, 1837]. Можно предположить, что в европейском сознании Медведь связан с Марсом – богом войны, считается воинственным зверем, хозяином дикого некультуренного пространства и ассоциируется с захватом, поеданием и следовательно, с военными действиями¹³.

Крайним проявлением дикости и агрессии становится европейская номинация русских «антропофагами»¹⁴, которая обыгрывается в русской культуре. Самый яркий пример этому каламбур Л. Пушкина, ставший анекдотом. За обедом тучная полячка задала ему ироничный вопрос: «Правда ли, г. Пушкин, что вы, русские, антропофаги, едите медведей?». На что Л. Пушкин ответил: «Нет, сударыня, мы едим корову, вроде вас» [Павлищева, 1998, Т. 1, с. 35]. Способность есть медведей воспринимается как поедание себе подобных. Антитеза медведь – корова – это аллюзия Л. Пушкина-шутника на русскую поговорку, которая упоминается в популярном тогда романе М. Д. Чулкова¹⁵: «Неправ медведь, что корову съел, неправ и корова, что в лес забрела» [цит по: Западов, 1947, с. 274]. Кроме того, корова противопоставляется здесь медведю как домашнее, окультуренное животное дикому.

Образ-концептуализация русского медведя, получив широкое распространение в западноевропейской культуре благодаря политической карикатуре и травелогам, не остался без внимания и вызвал неоднозначную реакцию русских писателей и критиков. Такая реакция объясняется сосуществованием европейского

¹² Этот стереотип отсылает к трудам С. Герберштейна («Записки о Московии», 1549) и А. Олеария («Описание путешествия в Московию», 1647). Об этом см.: [Россомыхин, Хрусталёв, 2008], [Хрусталёв, Россомыхин, 2009].

¹³ От лат. *Martius* (притяж. прил. к *Mars*) – посвященный Марсу; воинственный [Петровский, 2000, с. 191–192].

¹⁴ Антропофаг (греч. *anthropophagos*) (научн.). Человек, употребляющий в пищу человеческое мясо; людоед, каннибал [Ушаков Д. Н. Толковый словарь 1935 – 1940. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/740026>]. Антропофаг – представитель мифической расы каннибалов, описанной драматургом У. Шекспиром.

¹⁵ М. Д. Чулков «Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины» (1770).

и азиатского начал в русской культуре и связана с попыткой национальной самоидентификации. Для сравнения русские авторы выбирают французов из-за претензий Франции быть центром европейской культуры, а также из-за Отечественной войны 1812 года, потому как именно в этот период в России особенно остро стоял вопрос самоопределения.

Представления о русских, которых необходимо учить светским манерам, встречаются еще у И. А. Крылова в конце XVIII в.: «Они-то из медведей сделали нас людьми; они-то показали нам необходимость переменять в год по пятидесяти кафтанов; открыли нам ключ, что удачнее можно искать счастья с помощью портного, парикмахера и каретника, нежели с помощью профессора философии; они-то, наконец, науча нас танцевать, открыли нам нужную для светского человека тайну, что ученые ноги в большом свете полезнее ученой головы» [Крылов, 1945, с. 316]. Здесь оппозиция Восток – Запад вписывается в противопоставление свое – чужое и маркируется местоимениями мы – они. В представлении автора светские манеры не являются ценностью, этикетность мыслится антиценностью и соотносится с «низом» в противоположении голова – ноги.

И позднее в произведениях русских классиков и эпистолярной, в воспоминаниях и записках русских путешественников неоднократно можно встретить неприятие этой идентификации: «русских считают за медведей» [Растопчин, 2014, с. 422], «нам говорили, что русские варвары, волки, медведи» [Глинка, 1836, с. 86], «большинство французов называет русских – медведями, а большинство русских, в свою очередь, честит французов – вертопрахами» [Майков, 1985]. В. Н. Майков предпринимает попытку сравнить русских и французов: «Первым недостает русской глубины; вторым – французской подвижности» [Майков, 1985].

В историческом романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1830) актуализируется это соотношение: «Французы и до сих пор не признают нас за европейцев и за нашу хлеб-соль величают варварами; а отечество наше, в котором соединены климаты всей Европы, называют землею белых медведей и, что всего досаднее, говорят и печатают, что наши дамы пьют водку и любят, чтобы мужья их били» [Загоскин, 1955, с. 30]. Закрепленность за Россией пространства белых медведей происходит благодаря ее окраинности, эта идентификация получает негативные коннотации и воспринимается наравне с другими западными стереотипными образами русских (водка, любовь к избиениям) признаками отсталости и нецивилизованности. Подобный взгляд извне возмущает писателя, считавшего это необоснованной точкой зрения.

Однако А. И. Тургенев, рассказывая о посещении «Парижского зоологического и ботанического сада» (*Jardin des Plantes*) в дневниках (1825–1826), замечает: «Любовались львами, леопардами, волками, лисицами, земляком-медведем и наконец слоном, который резвился и хоботом ворочал землю неподалеку от Мишки, также забавлявшегося ворочанием разных орудий, вокруг него лежащих. <...> наш большой медведь, но только не земляк наш, а из *Nudson's bay* (Гудзонов залив); другой белый медведь с Северного полюса, следов [ательно], наш сосед»

[Тургенев, 1964, с. 376]. Географическая близость Московии к Северному полюсу, месту обитания белых медведей, их соседство с русскими актуализируют идентификацию России с медведем. В данном случае собиратель редких документов русской истории соглашается с устойчивыми западноевропейскими представлениями о России, тем самым продолжая миф о русскости медведя. В данном случае самоидентификация инспирирована взглядом извне, отождествляющим всё «русское» с «медвежьим».

Зеркальным этому является эпизод, зафиксированный в 1867 году А. Г. Достоевской в своем дневнике. Речь идет о встрече с медведем при посещении в Дрездене Зоологического сада: «Было уже довольно темно, и он находился в берлоге. Видно, что ему было невыносимо жарко, – он ходил из одного угла в другой, тяжело дышал и, видно, рвался из этого тесного убежища. Тут висела надпись, что он из Восточной Азии, следовательно, из России. Мы начали говорить с ним, называли его Михаилом Ивановичем и разными именами. Потом, когда мы стали отходить, я заметила в другое окно, что он будто бы нам кланяется так, именно всем телом кланяется. Разумеется, это было от жары. Он старался освежить себя, но мы приняли это за поклон нам, как соотечественникам» [Достоевская, 1993, с. 64]. В дневнике француза Мельхиора де Вогюэ русский писатель сопоставляется с животным, тогда как в воспоминаниях А. Г. Достоевской медведь в клетке получает человекообразные характеристики благодаря способности кланяться. Антропоморфная сущность медведя подчеркивается признанием в нем соотечественника.

Позднее М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский обращаются к уже упомянутой идентификации «русские – антропофаги». М. Е. Салтыков-Щедрин, рассуждая о русских, «гулящих» за границей, высмеивает их самоидентификацию с антропофагами в угоду иностранцам. Автор, поднимая вопрос самоуничтожения русских перед иностранцами, вводит оппозицию «россиянин» («дурак», «съезжившаяся фигура») – иностранец («высший организм»). Крайнюю степень нелюбви к себе писатель объясняет «потребностью самооплевания: «<...> Россия – страна антропофагов, <...> в России нельзя жить, <...> в России не имеется образованного общества, и проч., и проч.» [Салтыков-Щедрин, 1969, с. 86]. Ф. М. Достоевский упоминает антропофагов, размышляя над европейским миропорядком, основой которого является жесточайшая регламентация: «устроиться в одном муравейнике <...> не поедая друг друга – не то обращение в антропофаги» [Достоевский, 1989, с. 415]. Очевидно, что русский философ, восхищаясь европейским «окаменелым» порядком, осознает, чем пожертвовал европеец ради него.

Таким образом, точкой несхождения европейской и русской культур становится разность менталитетов, отношение к миропорядку: для европейца Россия является воплощением хаоса, русский же не может принять европейский «космос». Оппозиция космос / хаос инспирирована безграничностью России и теснотой Запада не только в пространственном плане. Западный космос всегда привлекал русского странника, но, ассоциируясь на первых порах с идеалом и даже

раем, неизменно разочаровывал. Европейские зоопарки становятся яркой метафорой рая на земле, реализующей в сознании русских писателей противоположение космоса хаосу. Многие русские писатели оставили воспоминания о посещении зоопарков во время своих путешествий в Западную Европу. В восприятии русского человека космос Запада практичен и бездуховен – это «возделанная природа», где «все растет и живет по программе», как «машина» [Гончаров, 1997, с. 49–50]. И. А. Гончаров в путешествии «Фрегат «Паллада»», описывая свои впечатления от Англии, ставит в один ряд людей и животных, сравнивая их породистость и разумность: «... в животных стремление к исполнению своего назначения простерто, кажется, до разумного сознания, а в людях, напротив, низведено до степени животного инстинкта» [Гончаров, 1997, с. 50].

В культуре Европы «медвежья» становится русской, с одной стороны, благодаря представлениям о близости России к северному полюсу – родине белых медведей, с другой – в результате стереотипного взгляда на русских как на упрямец, далеких от цивилизации и светского этикета. Крайнее проявление этого – несдержанность как в манере поведения, так и в реалистическом бытописании. Воинственное звериное начало медведя реализуется также в приписывании агрессивных черт всему русскому. В свою очередь, русские писатели в эпистолярной, дневниковой, заметочной и художественных текстах подхватывают ставшие шаблонными характеристики России и всего русского. Соглашаясь с европейской рецепцией, они называют белого медведя соотечественником и отмечают в себе неподвижность и отсутствие светскости. Однако писатели наряду с этим подчеркивают нехватку русской глубины французов и недостаток души в европейцах. Это обнаруживает противоположение Европы и России как упорядоченность, бездуховность Космоса глубине и безграничности Хаоса. В свою очередь, практичность Запада ассоциируется русскими писателями с европейскими зоопарками как моделями возделанного, но искусственного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Барабаш, В. В.** Государственная пропаганда и информационные войны: учебное пособие / В. В. Барабаш, Г. А. Бордюгов, Е. А. Котеленец. – Москва: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.
- 2. Барбе д’Оревильты [Ж.]** Николай Гоголь / примеч. М. П. Алексеева // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / отв. ред. Ю. Г. Оксман. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. – С. 257–281.
- 3. Белинский, В. Г.** Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. 1841–1845 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. – Москва: ОГИЗ; Гослитиздат, 1948. – 931 с.
- 4. Брукс, Д.** Лев и медведь: юмор в «Войне и мире» / пер. с англ. Д. Хазанкина // НЛО. – 2011. – № 109. – С. 151–171. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/3/lev-i-medved-yumor-v-vojne-i-mire.html>. (15.09.2023).
- 5. Вяземский, П. А.** Записные книжки (1813–1848) / П. А. Вяземский. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – 520 с.

6. Герберштейн, С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2. – Москва: Памятники исторической мысли, 2008. – 655 с.

7. Глинка, С. Н. Записки о 1812 году / С. Н. Глинка. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Российской Академии, 1836. – 363 с.

8. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

9. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» / И. А. Гончаров // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия: в 2 т. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 5–740.

10. Достоевская, А. Г. Дневник 1967 года / изд. подг. С. В. Житомирская. – Москва: Наука, 1993. – 454 с.

11. Достоевский, Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1989. – С. 388–451.

12. Жаковска, М. Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX и XX вв. / М. Жаковска // Политическая лингвистика. – 2011. – №1. – С. 15–19.

13. Загоскин, М. Н. Рославлев, или русские в 1812 году / под ред. М. Сергиевской. – Москва: Государственное издание художественной литературы, 1955. – 503 с.

14. Западов, А. В. Чулков / А. В. Западов // История русской литературы: в 10 т. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 270–277.

15. Козубовская, Г. П. Фет и Тургенев: поэзия и мифология литературного быта / Г. П. Козубовская // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. – 2004. – № 4–2. – С. 32–44.

16. Кошелев, В. А. Эффект охотника в русской словесности середины XIX века / В. А. Кошелев // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2009. – С. 95–111.

17. Каллаш, В. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин: Из журнальной полемики конца 20-х. г. XIX в. / В. Каллаш // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для изд. сочинений Пушкина при Отделении рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. – Санкт-Петербург: РАН, 1904. – Вып. 2. – С. 32–49.

18. Котеленец, Е. А. «Русский медведь» – динамика изменений образа России в мире / Е. А. Котеленец, М. С. Затуловская, М. Ю. Лаврентьева // Научный диалог. – 2018. – №7. – С. 164–176.

19. Крылов, И. А. Речь, говоренная повесою в собрании дураков / И. А. Крылов // Крылов И. А. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1945. – С. 316–323.

20. Лермонтов, М. Ю. Журналист, читатель и писатель («Я очень рад, что вы больны...») / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1989. – С. 43–48.

21. Майков, В. Н. Литературная критика / В. Н. Майков. – Москва: Художественная литература, 1985. – URL: http://az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_1846_koltzov.shtml (15.09.2023).

22. Мароши, В. В. Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности / В. В. Мароши. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 346 с.

23. Мотылева, Т. Л. Два взгляда на Достоевского: М. де Вогиюэ и Дьердь Лукач / Т. Л. Мотылева // Достоевский: материалы и исследования. Т. 8. – Ленинград: Наука, 1988. – С. 218–227.

24. П. Парижъ, Лондонъ и Лиссабонъ // «Московский наблюдатель», 1837. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=йCIYqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKKKUnsO9gooCQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCKgooCiYKA3JlcRifCh3QstC%2B0LTRj9GC0Yog0LzQtdC00LLRo9C00LXQuTAB> (15.09.2023).

25. Павлицева, О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина: (Со слов сестры его О. С. Павлицевой), написанные в Санкт-Петербурге 26 октября 1851 / О. С. Павлицева // Пушкин в воспоминаниях современников. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1998. – Т. 1. – С. 29–38.

26. Петровский, Н. А. Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. – Москва: Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.

27. Подорога, В. А. Мимезис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский / В. А. Подорога. – Москва: Культурная революция; Логос, Logos-altera, 2006. – 688 с.

28. Попов, П. Толстой и о Толстом. Обзор литературы за 1935–1939 гг.: Издание текстов Толстого / Л. Н. Толстой, АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Москва: Изд-во АН СССР, 1939. – Кн. II. – С. 725–749.

29. Россомахин, А. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI–XVIII века) / А. Россомахин, Д. Г. Хрусталева // Границы. Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. – С. 123–161.

30. Ростопчин, Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце / отв. ред. О. А. Платонов / Ф. В. Ростопчин. – Москва: Институт русской цивилизации, 2014. – 704 с.

31. Салтыков-Щедрин, М. Е. Признаки времени. Русские «гулящие люди» за границей / М. Е. Салтыков-Щедрин // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 86–99.

32. Строев, А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения / А. Строев. – Москва: НЛЮ, 1998. – 400 с.

33. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Ушакова. – Москва: Русские словари, 1994. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/740026>. (15.09.2023).

34. Тургенев, А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / отв. ред. М. П. Алексеев. – Москва, Ленинград: Наука, 1964. – 629 с.

35. Фарыно, Ежи. Смотря на каком языке смотреть / Е. Фарыно // Культура и текст. – 2016. – № 2 (25). – С. 6–56.

36. Хрусталёв, Д. Г. Польская диета русского медведя (с приложением английских гравюр 1826–1832 гг., представлявших Россию в образе медведя) / Д. Г. Хрусталев, А. Россомахин. – Санкт-Петербург: Красный матрос, 2009. – 112 с.

37. Хрусталев, Д. Г. Происхождение «русского медведя» / Д. Г. Хрусталев // НЛЮ. – 2011. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1> (15.09.2023).

38 Хрусталев, Д. Г. Рождение ужа: «русский медведь» / Д. Г. Хрусталев // Русский Мир.RU. – 2023. – № 2. – С. 14–21.

39. Чумаков, Ю. Н. Сон Татьяны как стихотворная новелла / Ю. Н. Чумаков // Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассматриваний. – Москва: Языки славянской культуры, 2008. – С. 154–183.

40. Шульц, С. А. «Птичье имя» в онтологической мифосимволике «Мертвых душ» Н. В. Гоголя / С. А. Шульц // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4 (145). – С. 209–217.

REFERENCES

1. Barabash, V. V. Gosudarstvennaya propaganda i informacionnye vojny: uchebnoe posobie / V. V. Barabash, G. A. Bordyugov, E. A. Kotelenec. – Moskva: AIRO-XXI, 2015. – 400 s.

2. Barbe d'Orevil'i [Zh.] Nikolaj Gogol' / primech. M. P. Alekseeva // N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya / отв. red. Yu. G. Oksman. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1936. Т. 1. – С. 257–281.

3. Belinskij, V. G. Sobranie sochinenij: v 3 t. Т. 2. Stat'i i recenzii. 1841–1845 / pod obshch. red. F. M. Golovenchenko. – Moskva: OGIZ; Goslitizdat, 1948. – 931 s.

4. Bruks, D. Lev i medved': yumor v «Vojne i mire» / per. sangl. D. Hazankina // NLO. – 2011. – № 109. – С. 151–171. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/3/lev-i-medved-yumor-v-vojne-i-mire.html>. (15.09.2023).

5. Chumakov, Yu. N. Son Tat'yany kak stihotvornaya novella / Yu. N. Chumakov // Chumakov Yu. N. Pushkin. Tyutchev. Opyt immanentnyh rassmotrenij. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2008. – С. 154–183.

6. Dostoevskaya, A. G. Dnevnik 1967 goda / izd. podg. S. V. Zhitomirskaya. – Moskva: Nauka, 1993. – 454 s.

7. Dostoevskij, F. M. Zimnie zametki o letnih vpechatleniyah / F. M. Dostoevskij // Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: v 15 t. Т. 4. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1989. – С. 388–451.

8. Faryno, Ezhi. Smotrya na kakom yazyke smotret' / E. Faryno // Kul'tura i tekst. – 2016. – № 2 (25). – S. 6–56.

9. Gerbershtejn, S. Zapiski o Moskovii: v 2 t. T.2. – Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2008. – 655 s.

10. Glinka, S.N. Zapiski o 1812 gode / S.N. Glinka. – Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Rossijskoj Akademii, 1836. – 363 s.

11. Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.

12. Goncharov, I. A. Fregat «Pallada» / I. A. Goncharov // Goncharov I. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 2. Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviya: v 2 t. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1997. – S. 5–740.

13. Hrustal'ov, D. G. Pol'skaya dieta russkogo medvedya (s prilozheniem anglijskih gravyr 1826–1832 gg., predstavlyavshih Rossiyu v obraze medvedya) / D. G. Hrustal'ev, A. Rossomahin. – Sankt-Peterburg: Krasnyj matros, 2009. – 112 s.

14. Hrustal'ev, D. G. Proiskhozhdenie «russkogo medvedya» / D. G. Hrustal'ev // NLO. – 2011. – № 1. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1> (15.09.2023).

15. Hrustal'ev, D. G. Rozhdenie uzhasa: «russkij medved'» / D. G. Hrustal'ev // Russkij Mir.RU. – 2023. – № 2. – S. 14–21.

16. Koshelev, B. A. Effekt ohotnika v russkoj slovesnosti serediny XIX veka / V. A. Koshelev // I. S. Turgenev. Novye materialy i issledovaniya. – Moskva; Sankt-Peterburg: Al'yans-Arheo, 2009. – S. 95–111.

17. Kallash, V. Pushkin, N. Polevoj i Bulgarin: Iz Zhurnal'noj polemiki konca 20-h. g. XIX v. / V. Kallash // Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya / Komissiya dlya izd. sochinenij Pushkina pri Otdelenii rus. yaz. i slovesnosti Imp. akad. nauk. – Sankt-Peterburg: RAN, 1904. – Vyp. 2. – S. 32–49.

18. Kotelenec, E. A. «Russkij medved'» – dinamika izmenenij obraza Rossii v mire / E. A. Kotelenec, M. S. Zatulovskaya, M. Yu. Lavrent'eva // Nauchnyj dialog. – 2018. – № 7. – S. 164–176.

19. Kozubovskaya, G. P. Fet i Turgenev: poeziya i mifologiya literaturnogo byta / G. P. Kozubovskaya // Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2004. – № 4–2. – S. 32–44.

20. Krylov, I. A. Rech', govorennyaya povesoyu v sobranii durakov / I. A. Krylov // Krylov I. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1945. – S. 316–323.

21. Lermontov, M. Yu. Zhurnal'ist, chitatel' i pisatel' («Ya ochen' rad, chto vy bol'ny...») / M. Yu. Lermontov // Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie stihotvorenij: v 2 t. T. 2. Stihotvoreniya i poemy. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. – S. 43–48.

22. Majkov, V. N. Literaturnaya kritika / V. N. Majkov. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1985. – URL: http://az.lib.ru/m/majkow_w_n/text_1846_koltzov.shtml (15.09.2023).

23. Maroshi, V. V. Imya avtora: istoriko-tipologicheskie aspekty ekspressivnosti / V. V. Maroshi. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2000. – 346 s.

24. Motyleva, T. L. Dva vzglyada na Dostoevskogo: M. de Vogyue i D'erd' Lukach / T. L. Motyleva // Dostoevskij: materialy i issledovaniya. T. 8. – Leningrad: Nauka, 1988. – S. 218–227.

25. P. Parizh", London" i Lissabon" // Moskovskij nablyudatel', 1837. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=jClYqIQoICAAQChyIAoQBSAAKKKUNsO9gooCQAVqBDuOTV4ADICCAE6AQFCKgooCiYKA3JlcRlfCh3QstC%2B0LTRj9GC0Yog0LzQtdC00LLRo9C00LXQuTAB> (15.09.2023).

26. Pavlishcheva, O. S. Vospominaniya o detstve A. S. Pushkina: (So slov sestry ego O. S. Pavlishchevoj), napisannye v Sankt-Peterburge 26 oktyabrya 1851 / O. S. Pavlishcheva // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov. – Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1998. – T. 1. – S. 29–38.

27. Petrovskij, N. A. Slovar' russkih lichnyh imen / N. A. Petrovskij. – Moskva: Russkie slovari, Astrel', 2000. – 480 s.

28. Podoroga, V. A. Mimizeis. Materialy po analiticheskoj antropologii literatury. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevskij / V. A. Podoroga. – Moskva: Kul'turnaya revolyuciya; Logos, Logos-altera, 2006. – 688 s.

29. Popov, P. Tolstoj i o Tolstom. Obzor literatury za 1935–1939 gg.: Izdanie tekstov Tolstogo / L. N. Tolstoj, AN SSSR, Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom). – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1939. – Kn. II. – S. 725–749.

30. Rossomahin, A. Rossiya kak Medved': Istoki vizualizacii (XVI–XVIII veka) / A. Rossomahin, D. G. Hrustalev // Granicy. Al'manah Centra etnicheskikh i nacional'nyh issledovanij IvGU. Vyp. 2: Vizualizaciya nacii. – Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2008. – S. 123–161.

31. Rostopchin, F. V. Mysli vsluh na Krasnom kryl'ce / otv. red. O. A. Platonov / F. V. Rostopchin. – Moskva: Institut russkoj civilizacii, 2014. – 704 s.

32. Saltykov-Shchedrin, M. E. Priznaki vremeni. Russkie «gulyashchie lyudi» za granicej / M. E. Saltykov-Shchedrin // Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. T. 7. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1969. – S. 86–99.

33. Shul'c, S. A. «Ptich'e imya» v ontologicheskoj mifosimvolike «Mertvyh dush» N. V. Gogolya / S. A. Shul'c // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2015. – № 4 (145). – S. 209–217.

34. Stroev, A. «Te, kto popravlyaet Fortunu». Avanturyisty Prosveshcheniya / A. Stroev. – Moskva: NLO, 1998. – 400 s.

35. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. D. Ushakova. – Moskva: Russkie slovari, 1994. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/740026>. (15.09.2023).

36. Turgenev, A. I. Hronika russkogo. Dnevniki (1825–1826 gg.) / otv. red. M. P. Alekseev. – Moskva, Leningrad: Nauka, 1964. – 629 s.

37. Vyazemskij, P. A. Zapisnye knizhki (1813–1848) / P. A. Vyazemskij. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 520 s.

38. Zagoskin, M. N. Roslavlev, ili russkie v 1812 godu / pod red. M. Sergievskoj. – Moskva: Gosudarstvennoe izdanie hudozhestvennoj literatury, 1955. – 503 s.

39. Zapadov, A. V. Chulkov / A. V. Zapadov // Istorija russkoj literatury: v 10 t. T. IV: Literatura XVIII veka. Ch. 2. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1947. – S. 270–277.

40. Zhakovska, M. Medved' na ohote, ohota na medvedya: Rossiya v nemeckoj karikature XIX i XX vv. / M. Zhakovska // Politicheskaya lingvistika. – 2011. – №1. – S. 15–19.